

УДК 81-373.611

КОНТАМИНИРОВАННЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА

Чепурина И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь
e-mail: simgt@inbox.ru

В статье анализируются контаминированные новообразования лексического уровня, выделенные из разговорной, преимущественно городской речи жителей Крыма последних двух лет (2016–2017 гг.). Ставится задача исследовать контаминированное слово как результат лингвальной креативности, а именно подсознательного, нецеленаправленного речевого акта.

Проведена тематическая, частеречная, структурная и семантическая классификация контаминантов, выявлена их синтаксическая природа. Установлено, что в качестве контаминационной базы композитов могут выступать: синтагмы различного типа; сочетания нескольких слов, не представляющих собой синтагму; сочетания двух слов с отношениями взаимосогласования. Среди дериватов синтагматичной природы выделены лексемы, отличающиеся значительной степенью идиоматичности, что выявляет тенденцию к усилению их семантической ёмкости. Это позволяет рассматривать контаминацию как эффективный способ компрессии когнитивной информации в рамках одной лексемы. Показано, что компрессии могут подвергаться разные по информационному объёму высказывания – от двусловных до микротекста.

Выделены ряды однокоренных и одноструктурных контаминированных лексем, на базе которых могут создаваться новые форманты. Автор приходит к выводу, что в спонтанной разговорной речи жителей Крыма контаминированные производные выполняют прежде всего номинативную функцию, реже – экспрессивно-эмоциональную и экспрессивно-оценочную функции. В статье продемонстрирована автономность контаминации как способа словообразования, которым крымские жители владеют и активно пользуются в повседневном общении.

Ключевые слова: контаминация, контаминант, способ словообразования, словотворчество, спонтанная речь жителей Крыма.

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX – начало XXI века характеризуется активизацией деривационных процессов, обилием новообразований, в частности контаминированных. Из активного источника создания неологических терминов и авторских неологизмов контаминированные производные превращаются в активно действующий способ компрессивного словообразования (см. работы: Н. А. Лавровой, Н. А. Николиной, Л. И. Плотниковой, Л. В. Рацибурской, Н. Д. Цыгановой, О. А. Хрущевой, Ю. Н. Шаталовой, О. В. Шашковой и др.).

Распространение контаминированных производных и исследовательский интерес к ним соответствуют основным принципам современной научно-культурной

парадигмы [5, с. 7]. В их русле существует необходимость исследования взаимодействия человека и его языка как живой речетворческой деятельности. Поэтому изучение контаминации «требуется обязательного выхода в творческую деятельность человека в языке, которая во многом опирается на способность человеческого сознания интегрировать разнородные концептуальные сущности в новые гибкие образования» [4, с. 11]. При этом внимание сосредоточивается на роли каждодневного языкового творчества, на соотношении индивидуального и социального в построении картины мира, на степени проявления лингвокреативности в различных дискурсивных практиках, в том числе в разговорном дискурсе современного города [См.: 8; 11].

В лингвистике контаминацией называют разные виды взаимодействия близких по значению, структуре, ассоциативно или функционально языковых единиц или их частей, приводящего к семантическому или формальному изменению этих единиц, а также к образованию на их базе нового слова или выражения, называемого контаминантом [1, с. 206]. Отмечается, что понимание контаминации распространяется на наложение или скрещивание лексических или фразеологических единиц, морфологических парадигм и синтаксических конструкций [6, с. 238]. Настоящая статья посвящена словообразовательной контаминации.

В отечественной лингвистике проблема контаминации зарождается в середине XX века. Известно, что на этот окказиональный способ словообразования одной из первых обратила внимание Н. А. Янко-Триницкая, выделившая его в качестве специфического явления словообразования, при котором затруднено линейное членение слова и затемнено его морфологическое строение. В качестве важного признака формальной стороны контаминанта Н. А. Янко-Триницкая отметила компрессию языковых единиц, от которых он образован, достигаемую за счёт того, что при контаминации происходит «проникновение компонентов одной единицы языка в другую... с непременным вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [14, с. 258].

В конце XX – начале XXI века словообразовательная контаминация и контаминационные единицы, «ввиду их смелой структуры, загадочного значения и

экспрессивной функции в языке» [12, с. 404], стали предметом внимания многих отечественных исследователи. Среди них: В. П. Григорьев, К. Л. Егорова, Л. Г. фанова, А. Ф. Журавлёв, Е. А. Земская, В. П. Изотов, Н. А. Лаврова, М. С. Малеева, Н. А. Николина, В. В. Панюшкин, В. З. Санников, И. С. Торопцев, Н. Д. Цыганова, О. В. Шашкова и другие учёные.

В современном русском языкознании существуют разногласия в понимании сущности данного лингвистического явления, и, как следствие, контаминация получила различные наименования: «словослияние», «вставочное словообразование», «вставочное словослияние», «телескопическое словообразование», «скорнение», «блендинг» (в англоязычной терминологии) и, наконец, «контаминация». Последний термин наиболее широко распространён.

Пестрота наименований исследуемого явления отражает его различные интерпретации в системе способов словопроизводства. Контаминацию чаще относят к аббревиации (Н. С. Валгина, Т. А. Гридина, Е. А. Дюжикова, Е. С. Кубрякова), отождествляют со словосложением (К. Сунден, Е. И. Чаадаевская, Н. М. Шанский) или выделяют как самостоятельный способ словообразования (М. У. Калниязов, Н. А. Лаврова, М. С. Малеева, Н. А. Николина, Н. А. Янко-Триницкая).

Ряд лингвистов (Е. А. Земская, М. У. Калниязов, Н. А. Янко-Триницкая), выделяя контаминацию как самостоятельный способ словообразования, разграничивают и противопоставляют междусловное наложение и собственно контаминацию. Приём междусловного наложения состоит в том, что «слова накладываются, наезжают друг на друга, конец одного является началом другого» [3, с. 191]. Ср.: *каламбурильщики* (каламбур + бурильщики), *треплика* (трёп (трепаться) + реплика). При собственно контаминации часть одного слова не входит в окказионализм, но остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма [Там же]. Например: *профанакторий* (профанация + профилакторий).

По замечанию Н. А. Николиной, междусловное наложение целесообразно рассматривать как частную разновидность контаминации, связанную с таким морфонологическим явлением, как аппликация [7, с. 350]. Мы также придерживаемся широкого понимания словообразовательной контаминации как процесса,

включающего в себя междусловное наложение и собственно контаминацию на том основании, что и в первом, и во втором случаях происходит соединение не только каких-либо фрагментов разных слов, но и слияние их значений (см. такое же понимание термина: А. Ф. Журавлёв, В. З. Санников, В. П. Изотов, В. В. Панюшкин).

Теоретической разработанностью отличаются структурные типы контаминационных образований (см. работы В. В. Изотова, Н. А. Николиной, И. В. Пекарской, О. А. Шишкарёвой и др.). Явление контаминации на примере современного английского и немецкого языков стало предметом научных изысканий XXI века (см. работы А. А. Де Болт, А. Н. Жуковой, Н. А. Лавровой, Л. А. Митрофановой, О. А. Надькиной, О. А. Хрущёвой).

Существенным положением следует признать утверждение о том, что образцы некоторых контаминированных образований закрепляются в современном русском языке как словообразовательные модели. Например, *рейганомика*, *гайдарономика*, *путиномика*; *Кремльгейт*, *ЮАРгейт*, *Дискогейт* и т.д. На базе рядов этих производных слов формируются новые форманты. Это позволяет трактовать контаминацию как способ номинации [7, с. 352–354].

В теоретических изысканиях широко представлен аспект употребления контаминантов в различных типах дискурса, что иллюстрирует сферу функционирования данных единиц. Так, предметом анализа становится употребление контаминированных образований в художественной речи (Б. Н. Гаджимурадова, Н. А. Николина, Л. И. Плотникова), в публицистическом стиле (Л. И. Плотникова, О. А. Шишкарёва, Е. Я. Шмелёва), в интернет-коммуникации (Н. Д. Цыганова, Е. Я. Шмелёва), в рекламных текстах, занимающих первое место по использованию гибридных слов (Е. О. Матвеева, Р. З. Мурясов, Д. Д. Каштанова). Широкое употребление контаминированных слов в медиадискурсе XXI века и активный исследовательский интерес к ним обуславливается «доминированием свободы выбора лингвистического репертуара и индивидуализацией речи с их направленностью на деформацию семантических и словообразовательных норм» [11, с. 128–129]. Значительно реже контаминация анализируется в разговорной речи (Н. Д. Цыганова, О. В. Шашкова).

Особенности функционирования контаминантов в текстах разных стилей в последнее десятилетие исследуются не только с позиций традиционного, словообразовательного, но и, всё активнее, в русле ономаσιологического и коммуникативно-когнитивного подходов. Появление нового слова рассматривается как результат сложного взаимодействия механизмов категоризации окружающего мира и языковых форм, неязыковых и языковых знаний (см. работы Л. С. Абросимовой, Н. А. Лавровой, Л. И. Плотниковой, Н. Д. Цыгановой, Н. А. Шток).

Таким образом, в конце XX – начале XXI века контаминация как способ словообразования получила существенную теоретическую базу, что свидетельствует о растущем интересе современной лингвистики к контаминированным производным.

В качестве ведущего тезиса для исследования мы принимаем утверждение о том, что сегодня контаминация из периферийного приёма создания окказионализмов постепенно превращается в активно действующий способ компрессивного словообразования, отражающий номинативную деятельность человека [7, с. 353–354].

Цель исследования – выявить специфику контаминированных лексем с точки зрения их тематической отнесённости, структурной организации, частеречной принадлежности и синтаксической природы в разговорном типе устной речи жителей Крыма последних двух лет (2016–2017 гг.).

Фактологическим материалом послужила картотека кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии Крымского федерального университета – услышанные и зафиксированные коллегами и студентами высказывания и реплики диалогов крымчан в спонтанном речевом общении. В этот корпус вошла речь носителей языка разного образовательного, интеллектуального и социального статуса, но «образующих в своём единстве то сообщество, для которого характерны близость “языкового микроклимата” и общее отношение к литературному языку (стандарту)» [Цит. по: 8, с. 47]. Основу корпуса составили

разговорные единицы жителей культурных центров Крыма – Симферополя, Севастополя, Евпатории.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В настоящей статье мы исследуем творческое начало жителей Крыма, прежде всего неосознанное словотворчество, проявляющееся в разговорном дискурсе, поскольку в той или иной степени оно свойственно каждому носителю языка. При этом нас интересуют неофициальная коммуникация как спонтанный, непреднамеренный, сиюминутный акт общения, когда процессы порождения и восприятия речи практически одномоментны, а также условия употребления контаминированной единицы в речи, т. е. её прагматические характеристики. В речевой ситуации актуализируются «языковые формы и значения, используемые для выражения конкретных мыслей, волеизъявлений и чувств в соответствии с целями и условиями общения, темой и содержанием беседы, дискуссии и любой иной формы диалога» [2, с. 329]. Условия функционирования живой речи, её спонтанность и нефиксированность, разнообразие социальных контактов в городской среде создают свободное пространство для языкового эксперимента в городском речевом обиходе [10, с. 103].

Мы проанализировали более 100 единиц, которые исследуются с точки зрения: а) тематической отнесённости; б) структурной организации; в) частеречной принадлежности; г) синтаксической природы.

Словотворчество на уровне словообразовательной контаминации отражает и интерпретирует воспринимаемый мир посредством экспликации наиболее значимых для человека смыслов. Эти смыслы выявляются через тематическую классификацию исследуемых единиц. Контаминанты нашего языкового материала пополняют следующие тематические группы: «наименования лица»: *вракула* (врать + Дракула), *хихидна* (хихикать + ехидна), *бомжуан* (бомж + донжуан); «внешность человека»: *бровикюр* (брови + маникюр), *рукти* (руки + ногти), *космополитен* (космы + «Космополитен» («Cosmopolitan»); «свойства, качества человека»: *шарминка* (шарм + изюминка); «природный мир»: *мальвинник* (мальва + малинник), *грибарий* (грибы

+ гербарий), *бультозавр* (бультерьер + динозавр); «топонимы Крыма»: *Мадагаскрым* (Мадагаскар + Крым), *Аджипариж* (Аджимушкой + Париж), *Троллица* (Троллейбусная + улица); «предметы одежды, быта»: *шапенгаген* (шапка + Копенгаген), *мультизор* (мультфильмы + телевизор), *аймобила* (айфон + мобила); «особенности быта»: *штрудень* (штрудель + день); *убирайничать* (убирать + хозяйничать); «интеллектуальное и психическое состояние, отношение»: *мозгаика* (мозг + мозаика), *сейчасье* (сейчас + счастье), *прекрасноятие* (прекрасное + восприятие); «этикет»: *селямствуйте* (селям + здравствуйте); «городские реалии»: *грязовик* (грязь + грузовик), *бурситет* (бурса + университет), *сэкондхолка* (сэконд-хэнд + барахолка); «продукты питания»: *шаурмяу* (шаурма + мяу), *свёклунда* (свёкла + ерунда), *хлебобулочный* (хлебобулочный + бублики), *запиханка* (запеканка + запихивать); «физическое положение человека»: *облокереться* (облокотиться + опереться); «воздействие на человека»: *побудействовать* (побуждать + действовать).

Тематическая палитра исследуемых композитов свидетельствует о том, что любое явление действительности, воспринятое через призму индивидуального мировоззрения, может стать источником словотворчества. Самые многочисленные группы – «наименования лица», «природный мир», что свидетельствует об их коммуникативной значимости для носителей языка – крымчан. В речевом общении в контаминированных наименованиях лица закрепляются такие характеристики, как имя лица, занятие, внешность, профессия, увлечение человека и т. д., а также оценочное и/или эмоциональное отношение к нему. Например, *любиляр* (любимый юбиляр + тёплое, родственное отношение к нему) – преподаватель вуза, торопясь домой, в разговоре с коллегами так назвал жену-юбиляра, чей день рождения отмечался накануне. Ср. также *бледнасть* (бледная Настя + сочувствие), *тупеец* (тупой путеец + негативное отношение). В контаминированных производных, называющих природный мир, закрепляются его внешние проявления, вызывающие положительные эмоции, например *лунарь* (яркая, как фонарь, красивая луна), или, наоборот, отрицательные эмоции, неприятные ощущения, впечатления (от холода и льда: *холёдно* (холодно + лёд); от тумана и темноты: *тумань* (туман + темень) и т. д.).

Анализируемые дериваты представляют различные структурные группы:

1. Контаминанты, в которых сочетаются основа первого слова и усечённая часть второго: *шарминка* (шарм + изюминка), *крысавица* (крыса + красавица), *книголичница* (книга + единоличница).

2. Контаминанты, в которых сочетаются усечённая часть первого слова и целое второе слово: *аймобила* (айфон + мобила), *любияр* (любимая + юбиляр), *Мадагаскрым* (Мадагаскар + Крым).

3. Контаминанты, в которых объединяются усечённые части обоих слов: *челикобактер* (человек + хеликобактер), *мокрышель* (мокрый + кашель), *кроссотка* (кроссовер + красотка) и др.

4. Контаминанты, в которых основа одного слова вклинивается в середину другого слова: *прилапновение* (основа существительного *лапы* вставляется в существительное *прикосновение*), *замечтательно* (основа глагола *мечтать* – в наречие *замечательно*); *холёдно* (основа существительного *лёд* – в наречие *холодно*).

5. Контаминанты, в которых сочетаются заимствованное слово и усечённое русское слово. Например (обращение мужчины-татарина в магазине): «*Селямствуйте, мне молока и пол-литра кефира*» (*селямствуйте*: *селям* + усечённое *здравствуйте*). Такое новообразование – региональная специфика многонационального Крыма.

В качестве компонентов сложных слов, образованных путём контаминации, могут выступать:

а) два отдельных слова: *шаурмяу* (шаурма + мяу), *стыдевательство* (стыд + издевательство), *своббота* (свободная + суббота);

б) три отдельных слова: *мозгистрессура* (мозги + стресс + магистратура);

в) словосочетание + слово: *вязайнер* (вязаная одежда + дизайнер);

г) слово + устойчивое словосочетание: *горстиница* (гостиница + грести горстями) – в словообразовательной структуре этого контаминанта второй компонент словосочетания *грести горстями* формально не выражен, но включается в лексическое значение деривата; *глюконат* (глюк + глюконат кальция) – второй компонент мотивирующего словосочетания ни формально, ни лексически не представлен в деривате.

По частеречной принадлежности мотивирующих компонентов исследуемые контаминанты представляют следующие структурные модели: существительное + существительное (*будняжка* = будни + бедняжка); существительное + субстантивированное прилагательное (*выгодной* = выгода + выходной); прилагательное + существительное (*коврожка* = ковровая + дорожка); глагол + глагол (*облокереться* = облокотиться + опереться); глагол + существительное (*хихидна* = хихикать + ехидна); причастие + существительное (*засыпанда* = засыпающая + панда); наречие + существительное (*сейчасье* = сейчас + счастье); местоименное наречие + существительное (*гдеьги* = где + деньги); глагол + наречие (*замечательно* = мечтать + замечательно); существительное + звукоподражание (*шаурмя* = шаурма + мяу); звукоподражание + существительное (*хрювня* = хрю + гривня). Этот ряд свидетельствует о сложности появления контаминированной лексики в языке, представляющей собой «результат сложного взаимодействия механизмов категоризации окружающего мира и языковых форм, неязыковых и языковых знаний» [13, с. 1]. Доминируют в устной речи крымчан гибридные слова, образованные по моделям, включающим имя существительное, т. е. в качестве мотивирующего смысла преобладает языковой смысл «предметность». В качестве производных преобладают субстантивные новообразования. Реже образуются имена прилагательные (*хлебобулочные* изделия, *стремнадцатое* число), глаголы (*побудействовать*, *звключить*), наречия (*замечательно*, *замурчательно*).

Интерес представляет синтаксическая природа контаминантов, поскольку отношения между компонентами сложных слов, по замечанию М. Д. Степановой, «в значительной мере напоминают отношения между членами того или иного синтаксического соединения» [9, с. 307].

Анализ контаминационной базы обнаружил, что появление значительной части композитов обусловлено:

1. Свёртыванием синтагм различного типа:

а) словосочетаний: *бродака* – бродячая собака, *тёпльшко* – тёплое солнышко, *красавчик* – кричающий красавчик и др. Мотивационной базой для подобных контаминантов выступают двусловные атрибутивные наименования, в которых

определяемый член выражен именем существительным, а определяющий – именем прилагательным или причастием. Тип подчинительной связи – согласование. Это продуктивный структурный тип мотивационной базы. Менее продуктивны типы, организованные по синтаксической модели управления и примыкания: *прекрасноятие* – восприятие прекрасного; *звуключить* – выключить звук; *сейчасье* – счастье сейчас и др.;

б) простого утвердительного предложения: *уродственники*: *Родственники* – *уроды*; *своббота*: *Суббота* – это *свобода*; *свёклунда*: *Свёкла* – *ерунда*;

в) сравнительных конструкций, которые могут включать добавочные смысловые компоненты, «идиоматизирующие» семантику деривата: *картрюфель* – картофель вкусный, как трюфель, *грибарий* – высохшие группы грибов, похожие на гербарий; *котопотам* – кот большой и толстый, как гиппопотам;

г) придаточных предложений, которые, как правило, содержат смысловые приращения, «идиоматизирующие» семантику деривата: *штрудень* – штрудель, который готовится в определённый день каждого месяца; *ночер* – самый поздний вечер, который предшествует ночи (полночи); *хаптека* – аптека, где хапают деньги (за счёт неоправданно завышенных цен);

д) свёртыванием смыслового единства в форме одного развёрнутого предложения или короткой ситуации, т. е. микротекста. Например, *Лондонльцо* (Лондон + Москольцо) – сленговое собственное наименование площади Москольцо в Симферополе, так как дом, расположенный рядом с этой площадью, имеет подъезд, выкрашенный в цвета английского флага; *выгодной* (выгода + выходной) – выходной день на рынке, когда торговцы устанавливают цены выше, чем в будние дни, и получают большую выгоду; *Джанпариж* (шутл.-ирон.) – Джанкой как Париж. Это название горожане стали употреблять после того, как в одном из районов Джанкоя был установлен четырёхметровый макет Эйфелевой башни.

Лексемы *Лондонльцо*, *выгодной*, *Джанпариж* характеризуются значительной степенью идиоматичности семантики и наряду с дериватами двух предыдущих

подгрупп выявляют тенденцию к усилению семантической ёмкости и многомерности контаминированных производных.

2. Композит создаётся на базе двух, редко трёх, слов, не представляющих собой синтагму. Ср.: *челикобактер* (человек + хеликобактер), *мозгаика* (мозги + мозаика), *вракула* (врать + Дракула).

3. Композит создаётся на базе двух слов с отношениями взаимосогласования. Мотивационной базой выступают двусловные субстантивные наименования «существительное + существительное, примыкающее к первому компоненту в качестве приложения»: *фломастер* (флорист-мастер), *папавлик* (папа Павлик).

Таким образом, контаминация как словообразовательная модель является эффективным способом компрессии информации в рамках одной лексемы. Компрессии могут подвергаться разные по информационному объёму высказывания – от двусловных до микротекста.

Отдельные композиты, образованные путём контаминации, получают дальнейшее развитие в языке и служат моделью для создания новых слов. При этом одна усечённая основа модифицирует значение другой основы и может использоваться в качестве аффиксоида, приближаясь по функции к суффиксу или префиксу (происходит «стабилизация осколочного элемента», по П.М. Берману). Например, подросток, собираясь на улицу, спрашивает маму: *Сегодня холодно? Мне шапенгаген надевать?* (*Шапенгаген* = шапка + Копенгаген.) Говорящий для экспрессии удлиняет слово «шапка» отрезком от топонима *Копенгаген*. Мы наблюдаем стабилизацию осколочного элемента *-енгаген* и намеренное удлинение им слова как способ усиления экспрессии. (Ср. известную разговорную фразу: *В этом вопросе я вам не копенгаген*, где соединяются в наложении *компетентный* и *Копенгаген*).

Девушка, внимательно рассматривая в зеркале свои подведённые брови, обращается к сестре: *Посмотри, какой у меня бровикюр.* (*Бровикюр* = брови + маникюр.) К словообразовательному по функции суффиксу приближается стабилизирующийся осколочный иноязычный элемент *-кюр* со значением «уход, забота».

Роль аффиксоида может выполнять не осколочный элемент, а всё мотивирующее слово. Например, неофициальные шуточные наименования крымских городов с онимом *Париж* во второй части: *Бахчипариж* (Бахчисарай + Париж), *Джанпариж* (Джанкой + Париж), *Аджипариж* (Аджимушкой + Париж), где название столицы Франции, семантизируясь в производном как объект сравнения, придаёт ему шуточно-ироническую окраску.

Наш материал позволил выделить однокоренные контаминанты, представленные алломорфами: 1) *хворижки* (хворый + коврижки), *хворобышек* (хворый + воробышек); 2) *котопотам* (кот + гиппопотам), *кошарики* (коты + шарики); 3) *крясавчик* (крякающий + красавчик), *крякутка* (крякающая + утка); 4) *красотумница* (красотка + умница), *остроумница* (остроумная + умница); 5) *мозгаика* (мозги + мозаика), *мозгистрессура* (мозги + стресс + магистратура). Эти ряды, а также вышеприведённые *Аджипариж*, *Бахчипариж*, *Джанпариж* иллюстрируют наметившуюся стабилизацию компонентов: *хвор*, *кот*, *кря*, *умница*, *мозг*, *Париж*. На базе рядов таких производных слов могут появляться новые форманты.

В ходе исследования выявлены контаминанты, которые вступают в омонимичные отношения с простыми по структуре дериватами. Их специфика заключается в том, что словообразовательная структура композита выявляется только с опорой на контекст, под которым понимается как непосредственное вербальное окружение контаминанта, так и совокупность фоновых знаний адресата. Например, в переполненную маршрутку заходит девушка с распущенными длинными волосами; через несколько остановок мужчина-пассажир, не выдержав, возмущённо произносит: «*Девушка, уберите свой космополитен!*», вероятно, намекая ей на неуместное подражание образам одноимённого издания. Название женского глянцевого журнала здесь вступает в омонимичные отношения со словообразовательным контаминантом, который образован посредством полного наложения первой мотивирующей основы на второе мотивирующее слово: *космы* + *Cosmopolitan*.

Молодой человек хотел показать родственникам новые фотографии, но компьютер завис: «*Всё, приехали. Глюконат железа, теперь фотографии в лучшем случае завтра посмотрим*». В омонимичные отношения вступают название лекарственного препарата *глюконат кальция* и словообразовательный контаминант *глюконат* (железа). Последний образован посредством полного наложения первого мотивирующего слова *глюк* («комп. жарг. Сбой в программе») на второе мотивирующее *глюконат*, вычлененное из составного лекарственного наименования. В результате наблюдаем и эффект удлинения композита как способ усиления его экспрессивности.

ВЫВОДЫ

Речетворческий потенциал жителей Крыма проявляется в их способности и потребности создавать слова, в частности контаминированные лексемы, выражающие новый смысл уникальной, морфемно непредсказуемой словесной формой и отличающиеся экспрессивностью, эмоциональностью, оценочностью. Специфика образования контаминированных дериватов выявляет подсознательную потребность говорящего в компрессии мотивирующих единиц в процессе спонтанного устного словотворчества.

В акте словообразования компрессии могут подвергаться разные по информационному объёму мотивирующие высказывания – от двухсловных до микротекста, что выявляет тенденцию к усилению семантической ёмкости и многомерности контаминированного слова.

Выделенные ряды контаминантов с повторяющимися корневыми морфемами свидетельствуют о возможном стирании различий между корнями и аффиксами и подтверждают тезис о продуктивности контаминации как самостоятельного способа словообразования и средства номинации.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 608 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 488 с.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
4. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 332 с.
5. Лаврова Н. А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 48 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Николина Н. А. Контаминированные образования в современной речи: структура, семантика, функционирование // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26–28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – С. 349–354.
8. Петров А. В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан // Современная картина мира: крымский контекст : коллективная монография. Кн. 1. – Симферополь, 2017. – С. 45–67.
9. Степанова М. Д. К вопросу о синтаксической природе словосложения (на материале современного немецкого языка) // Ученые записки МГПИИЯ. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1959. – Т. 19. – С. 305–341.
10. Тимофеева Н. Ю. Аспекты исследования креатива городской речи // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 33 (1). – С. 102–106.
11. Цыганова Н. Д. Полиаспектное описание неолексем: по материалам словотворческих интернет-сайтов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Абакан, 2015. – 20 с.

12. Шашкова О. В. Словообразовательная контаминация в текстах публицистического стиля // Пушкинские чтения. – 2011. – Вып. 16. – С. 402–408.
13. Шток Н. А. Когнитивные механизмы формирования новых сложных существительных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 210 с.
14. Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 254–258.

CONTAMINATED DERIVATIVES IN SPONTANEOUS SPEECH OF CRIMEAN RESIDENTS

Chepurina I. V.

Summary. The article analyzes contaminated new lexical formations, taken from colloquial, mostly urban speech of Crimean residents of the last two years (2016-2017). The task is to investigate a contaminated word as a result of lingual creativity, namely a subconscious, non-purposeful speech act.

Thematic, part of speech, structural and semantic classification of contaminants was carried out, their syntactic nature was revealed, functional purpose was determined. It has been established that syntagmatic basis of composites can be syntagmas of various types; combinations of several words that do not constitute a syntagma; combinations of two words with the relations of unilateral matching. Among the derivatives of the syntagmatic nature, lexemes are distinguished, which have a significant degree of idiomaticity, which reveals a tendency to strengthen their semantic capacity. This allows us to consider contamination as an effective way of compressing cognitive information within a single lexeme. It is shown that statements of different information capacity - from two-word to microtext can be subjected to compression.

Rows of single-root and single-structural contaminated lexemes are selected, on the basis of which new formants can be created.

The author comes to the conclusion that in the spontaneous colloquial speech of Crimean residents, contaminated derivatives perform primarily a nominative function, less often expressive-emotional and expressive-evaluative functions.

Autonomy of contamination as a way of word formation, which the Crimean residents have command of and actively use in everyday communication was demonstrated.

Keywords: contamination, contaminant, way of word formation, word-making, spontaneous speech of Crimean residents.

References

1. Akhmanova O. S. *Slovar' Lingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1969. 608 p.
2. Zhrebilo T. V. *Slovar' Lingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran': Piligrim Publ., 2010. 488 p.
3. Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak Deyatel'nost'* [Word formation as Activity]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 221 p.
4. Iriskhanova O. K. *Lingvokreativnye Osnovaniya Teorii Nominalizatsii: Dis. ... Dokt. Filol. Nauk.* [Linguistic Foundations of the Theory of Nominalization]. Moscow, 2004. 332 p.
5. Lavrova N. A. *Kontaminatsiya kak Slovtvorcheskaya Model': Struktura, Semantika, Stilistika, Pragmatika (Na Materiale Sovremennogo Angliiskogo Yazyka): Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Contamination as Word Creativity Model: Structure, Semantics, Stylistics, Pragmatics (On Modern English Language Material). Abstract of Thesis]. Moscow, 2013.
6. *Lingvisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990. 685 p.
7. Nikolina N. A. *Kontaminirovannyye Obrazovaniya v Sovremennoi Rechi: Struktura, Semantika, Funktsionirovanie* [Contaminated Formations in Modern Speech: Structure, Semantics, Functioning]. *Yazykovyye Kategorii i Edinitsy: Sintagmaticheskii Aspekt. Materialy XII Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii (Vladimir, 26–28 Sentyabrya 2017 Goda), Posvyashchennoi 65-Letiyu Kafedry Russkogo Yazyka.* Vladimir: Tranzit-IKS Publ., 2017, pp. 349–354.
8. Petrov A. V. *Realizatsiya Tvorcheskogo Potentsiala v Rechi Krymchan* [Realization of Creativity in Crimean People Speech]. *Sovremennaya Kartina Mira: Krymskii Kontekst: Kollektivnaya Monografiya.* Vol. 1. Simferopol', 2017, pp. 45–67.
9. Stepanova M. D. *K Voprosu o Sintaksicheskoi Prirode Slovoslozheniya (na Materiale Sovremennogo Nemetskogo Yazyka)* [About Syntactic Nature of Word Formation (Based on the Material of Modern German Language)]. *Uchenye Zapiski MGPIIYa.* Moscow: Izdatelstvo MGPIIYa, 1959, vol. 19, pp. 305–341.

10. Timofeeva N. Yu. *Aspekty Issledovaniya Kreativa Gorodskoi Rechi* [Aspects of Research of Creative City Speech]. *Vestnik Kalmytskogo Universiteta*, 2017, no 33 (1), pp. 102–106.
11. Tsyganova N. D. *Poliaspektnoe Opisanie Neoleksem: Po Materialam Slovtvorcheskikh Internet-Saitov: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Poliaspect Description of Neolexemes. Abstract of Thesis]. Abakan, 2015. 20 p.
12. Shashkova O. V. *Slovoobrazovatel'naya Kontaminatsiya v Tekstakh Publitsisticheskogo Stilya* [Derivational Contamination In Journalistic Texts]. *Pushkinskie Chteniya*. 2011, no 16, pp. 402–408.
13. Shtok N. A. *Kognitivnye Mekhanizmy Formirovaniya Novykh Slozhnykh Sushchestvitel'nykh v Sovremennom Angliiskom Yazyke: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Cognitive Mechanisms of Forming New Complex Nouns in Modern English. Abstract of Thesis]. Moscow, 2008. 210 p.
14. Yanko-Trinitetskaya N. A. *Mezhduslovnnoe Nalozhenie* [Word Interlacing]. *Razvitie Sovremennogo Russkogo Yazyka. Slovoobrazovanie. Chlenimost' Slova*. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 254–258.